

С- 770395

На правах рукописи

М. Сычева

СЫЧЕВА Инна Борисовна

**ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В ДИНАМИКЕ ДИАЛОГА**

Специальности: 10.02.01 – русский язык,
10.02.19 – теория языка

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Орел – 2008

Работа выполнена на кафедре английской филологии ГОУ ВПО «Орловский государственный университет».

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Филиппов Вадим Станиславович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Беднарская Лариса Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент
Кузьминская Светлана Игоревна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится «25» апреля 2008 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при Орловском государственном университете по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Орловского государственного университета.

Автореферат разослан «17» марта 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437370

Ученый секретарь
диссертационного совета

Гришанова В.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена проблемам описания функционирования встречного вопроса в диалоге. Диалог — это, безусловно, интереснейший объект описания и неисчерпаемый источник научного вдохновения для всякого лингвиста. Именно в диалоге нам дано непосредственное функционирование языка, через диалог мы овладеваем языком. Многими исследователями диалог признается основной, подлинной, естественной формой существования языка.

Частной языковой формой, регулярно присутствующей в диалоге, является встречный вопрос. Эта сугубо диалогическая форма высказывания интересна и с точки зрения структурной (если понимать под этим лексические и грамматические средства, используемые при построении встречного вопроса), и с точки зрения функциональной (если понимать под этим типы коммуникативных задач, решаемых говорящим посредством встречного вопроса).

Актуальность исследования функционирования встречного вопроса в диалоге обусловлена тем фактом, что описания этого своеобразного явления языка/речи еще очень фрагментарны. Можно сослаться на ряд работ, в которых понятие встречного вопроса так или иначе используется (Голубева-Монаткина 2004; Бердник 1993; Кобозева 1988; Курашкина 2003; Падучева 1985; Ремизова 2001 и др.), однако нигде оно не получает сколько-нибудь детального освещения. Между тем полноценное исследование естественноречевой коммуникации невозможно без тщательного многоаспектного изучения того инвентаря структур, который предоставляет говорящему язык, и их коммуникативного потенциала.

Встречный вопрос мы определяем как реплику, имеющую формальные признаки вопросительности (грамматические и интонационные) и появляющуюся в диалоге как реакция на предыдущее вопросительное высказывание, непосредственно данной реплике предшествующее. Интерес исследователя в этом случае должен пробудить сам факт реактивности вопросительной реплики: прототипический вопрос по определению является репликой иницирующей, а не реактивной. Очевидно, что употребление вопросительного предложения в реактивной позиции предполагает наличие у него особых характеристик, обуславливающих такое употребление. Априорная специфичность встречного вопроса и была причиной выбора его в качестве **объекта** исследования.

Отсутствие специально ориентированного внимания к встречному вопросу сказывается уже в том, что не до конца ясно даже, насколько лингвистически релевантным может оказаться само выделение встречного вопроса как однородного класса единиц. Еще до начала исследования можно с уверенностью предсказать, что исследуемый объект окажется весьма проблематичным. Так, при описании объекта придется ответить на такие

вопросы, как: следует ли рассматривать встречный вопрос как подкласс вопроса как такового с противопоставлением его другим подклассам или же как позиционно обусловленный вариант обычного вопроса; следует ли рассматривать встречный вопрос вообще как вопрос или как экзотический вариант ответа; следует ли характеризовать встречный вопрос как изначально некооперативное речевое действие или нужно признать за ним (хотя бы в общем случае) право на кооперативность; следует ли рассматривать значение встречных вопросов исключительно через призму имплицатуры или необходима их буквальная интерпретация и т. д. Все это подразумевает, что встречный вопрос нельзя рассматривать сам по себе, как самодостаточное явление: можно объяснить специфику его функционирования только при условии учета динамических связей реплик в диалоге.

Предмет исследования — это функциональные особенности встречного вопроса в динамической структуре диалога. Мы полагаем, что эти особенности непосредственно связаны как со структурными характеристиками встречного вопроса (разных его типов), так и с позицией встречного вопроса в диалогическом тексте. При помощи встречных вопросов, по нашему мнению, реализуются вполне определенные типы коммуникативных установок, доступные если не исчислению, то, во всяком случае, обозримому описанию; соответственно, для реализации этих установок язык предоставляет коммуниканту достаточно четко структурированный инвентарь.

В качестве **материала исследования** использовались фрагменты диалогов на русском, немецком и английском языках, извлеченные из произведений художественной литературы XX века. Выбор материала обусловлен его доступностью, представительностью и надежностью. Приходится иногда слышать возражения по поводу адекватности такого материала, существует точка зрения, согласно которой прямая речь в художественном тексте — это всегда известным образом организованная стилизация. В этой связи хотелось бы сослаться на мнение Т. Г. Винокур, которая считает, что прямая речь художественного текста прежде всего характеризуется необходимостью подражать устной речи. Она призвана воспроизводить нормы разговорной речи, то есть структурные особенности речевого высказывания, которыми оно обязано преимущественно устной форме его реализации. Аналогично А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин допускают, что «литературно обработанный диалог непосредственно соответствует так называемому каноническому диалогу, под которым имеется в виду текст, восстанавливаемый самими коммуникантами в процессе восприятия и осмысления обработки получаемых речевых сообщений. Отбор материала проводился методом сплошной выборки.

В задачи исследования не входит сопоставительный анализ функционирования встречного вопроса, напротив, мы стремимся выявить некоторые общие тенденции в употреблении описанного явления. Поэтому

фактический материал представлен в данной работе неравномерно: основной корпус составляют примеры на русском языке, примеры на немецком и английском используются большей частью для подтверждения того или иного тезиса, уже получившего освещение на русском материале.

Целью исследования является систематизация структурно-функциональных вариантов такого явления, как встречный вопрос. Это подразумевает комплексный анализ данного явления, поскольку только так можно составить себе по возможности полное представление об объекте исследования. Итогом работы может стать некая типология, опирающаяся на список релевантных семантико-синтаксических и прагматических факторов. Мы намеренно не прибегаем к слову «классификация», поскольку считаем, что в применении к нашему объекту построение «хорошей» классификации, в которой классы задавались бы через иерархии необходимых и достаточных свойств, вряд ли возможно.

Для достижения поставленной цели требуется решить ряд **задач**:

- 1) дать представление о диалоге как типе общения и диалоге как текстовой структуре;
- 2) вычленить основные диалогические единицы, выделяемые с различных точек зрения и в разных научных парадигмах;
- 3) описать отношение понятия высказывания к понятию диалога и указать место высказывания в структуре диалогического текста;
- 4) рассмотреть проблему вопроса и вопросительности и сформулировать нашу собственную позицию по этой проблеме;
- 5) описать особенности функционирования вопросительных предложений в качестве реактивных реплик, их семантико-синтаксические характеристики;
- 6) выявить ряд релевантных критериев, в соответствии с которыми могло бы быть структурировано множество разновидностей встречных вопросов.

Приступая к исследованию, мы выдвинули **следующую научную гипотезу**. Функционирование высказывания в естественном языковом общении опирается на комплекс лингвистических средств разного рода. При определении цели высказывания необходимо принимать во внимание взаимодействие семантики синтаксических конструкций, лексического наполнения, интонационных контуров, а также факторов прагматического характера. Можно допустить, что позиционная обусловленность того или иного типа высказываний мотивирует его специфику в сравнении с аналогичными высказываниями, не обусловленными их позицией в диалоге. Для любого встречного вопроса характерно наличие двух базовых характеристик: вопросительности и реактивности реплики. С учетом этого мы предположили, что выполнение специфической функции встречного вопроса предопределяет некоторые более или менее стандартные свойства выпол-

няющих эту функцию высказываний, которые можно успешно систематизировать.

Методологическую базу исследования составляют положения коммуникативной грамматики (Адмони 1985, 1986, 1994; Арутюнова 1970, 1988, 1999; Бердник 1993; Бондарко 1971, 1990; Винокур Г. О. 1959, 1990; Винокур Т. Г. 1974; Жинкин 1955; Золотова 1973, 2003; Иванова 1997; Падучева 1981, 1996; Шведова 1956), теории коммуникации (Бубнова 2001; Занько 1971; Красильникова 1996; Ремизова 2001; Свойкин 1988), теории речевых жанров (Бахтин 1984; Жельвис 2002), теории речевых актов (Баранов, Крейдлин 1992; Кларк, Карлсон 1986; Кобозева 1988; Остин 1986; Серль 1986а-в; Cohen 1981;), лингвопрагматики (Кифер 1985; Курашкина 2003; Почепцов 1979; Grice 1975; Leech 1983).

Цели и задачи исследования, а также принятые методологические установки обусловили использование **методов** прагматического анализа, контекстного анализа, интроспекции, компонентного анализа предложения.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нашей работе впервые предпринято комплексное исследование встречного вопроса как феномена диалогической речи. Встречный вопрос рассматривается как тип реплик, тесно связанный с инициальной вопросительной репликой; его семантика и прагматика формируются под влиянием двух главных факторов: указанной обусловленности репликой-стимулом и собственной вопросительности.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем фактом, что в работе предпринимается попытка уточнения лингвистического статуса достаточно неопределенного понятия «встречный вопрос». В самом деле, неочевидно, является ли само выражение *встречный вопрос* именем некоего упорядоченного множества фактов языка, или же это только фрагмент «наивной лингвистики». Выражение *наивный* в данном случае не носит уничижительного характера и употреблено в том смысле, в котором оно используется в работах Ю. Д. Апресяна и его последователей в сочетаниях *наивная физика*, *наивная астрономия* и т. д. Решение этой задачи небезразлично для лингвистической теории.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее итоги помогают нам глубже понять место встречного вопроса в кругу других коммуникативных средств, что имеет большое значение при построении курсов риторики, обучении иностранным языкам (в том числе русскому как иностранному) и т. п. Кроме того, результаты работы могут найти применение в практике написания курсовых и дипломных работ по соответствующей проблематике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. За выражением «встречный вопрос» стоит конгломерат разнородных явлений, из них только небольшая часть представляет собой структу-

ры, специализированные для употребления в качестве реакции на вопросительное высказывание. Как правило, они представляют собой клишированные формы, употребление которых обычно связано с нарушением условий успешности инициирующей вопросительной реплики. Чаще всего встречный вопрос представляет собой реплику со специфическими показателями реактивности, для которой, однако, вопросительная или невопросительная природа инициирующей реплики не принципиальна.

2. Для встречных вопросов характерно как прямое, (т. е. в качестве речевого акта-вопроса), так и не прямое употребление. Специфика прямого употребления состоит в том, что тот недостаток информации, запрос о выполнении которого и составляет суть вопросительного речевого акта, вызван обычно не широким деятельностным контекстом, а теми или иными свойствами инициирующей реплики.

3. Встречный вопрос обычно представляет собой кооперативный речевой поступок. Нередки, впрочем, случаи, когда встречный вопрос вообще не может классифицироваться в терминах кооперативности/некооперативности, так как представляет собой подчиненный компонент развернутой коммуникативной стратегии, реализуемой посредством нескольких реплик. Некооперативные встречные вопросы обычно представляют собой неспециализированные вопросительные предложения, окказионально употребленные в данной функции.

Апробация работы. Результаты проведенного нами исследования отражены в опубликованных работах автора. Основные положения диссертации обсуждались на международных научных конференциях «Семантика общения» (Орел, 2005), «Единство системного и функционального анализа языковых единиц (Белгород, 2006), в рамках межкафедрального лингвистического семинара на факультете иностранных языков ОГУ (Орел, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка использованной научной литературы и списка источников примеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Диалог в теории и практике лингвистического описания» рассматриваются вопросы коммуникативной и формально-семантической организации диалога. Диалог, наряду с монологом, признается одним из главных видов речевой деятельности. Противопоставление диалога и монолога является одним из базовых в коммуникативной лингвистике (Блох, Виноградов, Винокур Г. О, Винокур Т. Г., Волошинов, Красильникова, Семененко, Щерба, Якубинский), следовательно, рассматривая два эти явления в противопоставлении друг другу, можно уяснить некоторые специфические особенности диалога. Мы, вслед за

Л. П. Семененко, считаем, что необходимо различать два аспекта диалогической и монологической речевой деятельности: диалог и монолог могут рассматриваться как различные типы общения (принимается во внимание прежде всего характер отношений между коммуникантами) и как различные формы речи (внимание сконцентрировано на собственно языковых, текстуальных особенностях диалога и монолога). Смешение этих двух измерений приводит к появлению пересекающихся классов. Так, существуют формы речи монологические по характеру отношений между коммуникантами, но диалогические по форме (например, военная команда) и наоборот, диалогические по характеру отношений, но монологические по форме (например, научная дискуссия в печатном издании). Можно, однако, утверждать, что существуют «прототипические» диалог и монолог, для которых противоречия между формой реализации и характером отношений между коммуникантами не существуют. В частности, прототипической формой диалога является обыденный, повседневный диалог, с литературно обработанной формой которого мы и имеем дело в настоящем исследовании.

Основными критериями, согласно которым диалог и монолог могут быть противопоставлены друг другу, на наш взгляд, являются следующие:

- 1) характер непосредственной семантико-синтаксической связности текста;
- 2) абсолютный размер текста;
- 3) степень нормативности текста;
- 4) синтаксическая сложность текста;
- 5) стилистическая вариативность текста.

Критерий 1 связан с различиями в способах построения диалогического и монологического текста. Предложения, образующие организованную последовательность в монологическом тексте, представляют собой функционально одну реплику, будучи обусловленными общим речевым замыслом, тогда как реплики диалога последовательно обуславливают друг друга (ср. мнение Н. Ю. Шведовой, согласно которому диалог представляет собой обмен высказываниями, **порождаемыми одно другим** в процессе разговора (Шведова 1956)). Для монолога, следовательно, характерна бо́льшая сложность отношений внутри текста.

Критерий 2 связан с представлением о том, что монологический текст (как более развернутый) существенно больше, чем диалогический. Так, по мнению Л. П. Якубинского, длительное непрерываемое речевое воздействие присуще скорее монологу, чем диалогу (Якубинский 1986:25). Это разграничение является достаточно тривиальным, однако и в нем можно выделить несколько аспектов. Во-первых, речь может идти об объеме текста, продуцируемого одним говорящим (т. е. для диалога — об объеме отдельной реплики). В этом случае более значительный объем монолога очевиден. Во-вторых, монологический текст, продуцируемый одним говорящим, может быть сопоставлен диалогическому тексту, продуцируе-

мому несколькими говорящими. В этом случае различия в объеме текста кажутся не столь очевидными. Более того, эти различия могут быть связаны с жанровыми особенностями конкретных текстов. Так, если в качестве примера диалогической речи рассматривать бытовой диалог, а в качестве примера монологической речи — выступление на митинге, то объем речевого материала, произведенного участниками диалога, будет существенно меньшим. Если, однако, предположить ситуацию научной дискуссии, то здесь можно будет говорить о диалоге как «обмене монологами» (Якубинский 1986:26), и такой диалог, естественно, будет более объемным, чем «составляющие» его монологи.

Критерий 3 связан со степенью соответствия диалогического и монологического текста норме языка. В данном контексте норма понимается как степень соответствия высказывания каноническому виду предложения. Многократно подчеркивалось, что диалогу, в отличие от монолога, свойственны такие черты, как эллиптичность, оговорки, обмолвки. Это связано как с меньшей кодифицированностью диалога, так и с «многоканальностью» диалогического общения: при таком общении в большей степени используются невербальные средства коммуникации, которые достаточно причудливо взаимодействуют со средствами языковыми (см. (Шерба 1957, Якубинский 1986, Винокур Т. Г. 1998)).

Критерий 4 связан с меньшей развернутостью диалогических реплик и большей развернутостью монолога. Выше уже отмечалось, что диалогические и монологические последовательности предложений имеют разную природу, семантико-синтаксические отношения между ними неодинаковы. Большую композиционную сложность монолога отмечал Г. О. Винокур (Винокур Г. О. 1957, 1990). Для диалога отмечают изобилие всевозможных «отступлений», «отклонений» от правил традиционной грамматики и норм литературно-письменной речи, повторов, нечетких формулировок, не всегда логичной смены темы и возврата к уже обсуждавшейся теме, а также корректировок собственного высказывания.

Критерий 5 должен быть задействован не в том смысле, что один из типов общения отличается большей, а другой — меньшей стилистической вариативностью, а, скорее, в том смысле, что диалог и монолог имеют различные способы и сферы существования и обладают каждый собственным набором стилевых разновидностей.

Принципиальными особенностями диалога являются такие его черты, как intersubjectность, спонтанность, незапланированность. Связность диалогического текста, в отличие от развернутого монолога, прослеживается на небольших смежных участках, поскольку постоянная смена тем и направлений диалога обычно не оставляет места более глобальным конструкциям. Существуют, однако, ситуации, в которых можно проследить и более масштабные образования. В связи с этим в структуре диалога могут быть выделены три вида образований:

1) диалогическое единство, представляющее собой любую пару реплик (или предложений в разных репликах), между которыми существует семантическая, анафорическая и структурная связь, а также зависимость прагматического характера;

2) единство сообщения — группа взаимосвязанных предложений в одной реплике. В составе единства сообщения также различаются управляющее предложение и зависимое предложение;

3) диалогическое целое — синтаксическое образование, состоящее из цепочки взаимосвязанных реплик, которая представляет собой сцепление нескольких диалогических единств.

Наиболее последовательно в литературе выделяются такие единицы диалога, как диалогические единства. Их составляющие части — высказывания — взаимодействуют друг с другом на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровне. Закономерности этих взаимодействий определяются, очевидно, жанровым разнообразием коммуникации, тогда как механизмы следует искать в семантико-синтаксических характеристиках отдельных высказываний.

Во второй главе «Вопрос в структуре диалога» рассматриваются проблемы вопросительности как лингвистической категории на фоне общих представлений о структурных и функционально-семантических характеристиках высказывания.

Высказывание представляет собой основу диалогической речи, базовую единицу диалогического текста. В практике описания языка зачастую принято разграничивать высказывание как актуальную единицу речи и предложение как потенциальную единицу языка, однако нам кажется предпочтительным такой подход, при котором предложение и высказывание рассматриваются не в качестве единиц разных уровней анализа, а в качестве разных аспектов одного и того же многомерного явления (Гак 1998). Это позволяет не придерживаться последовательно методологического принципа разграничения языка и речи, поскольку зачастую в непосредственном процессе лингвистического анализа такое разграничение оказывается невозможным или затрудненным.

Семантика высказывания теснейшим образом связана с понятием предикативности, под которым понимается, с одной стороны, отношение, формирующее пропозициональную структуру высказывания, с другой, отношение, включающее лингвистическую данность предложения в структуру коммуникации.

Всякое предложение/высказывание характеризуется, помимо пропозиционального содержания, определенной модальностью и коммуникативной направленностью.

Классификация предложений затруднена из-за множественности аспектов предложения/высказывания, в частности, отсутствия однозначных отношений между синтаксической структурой предложения

и его коммуникативными свойствами. Конкретно в отношении понятия вопросительности это выражается в том, что, с одной стороны, идея запроса информации, составляющая суть этого понятия, может выражаться без использования специальных вопросительных структур, с другой стороны, вопросительные структуры могут конвенционально использоваться для реализации коммуникативных намерений, отличных от выражения запроса информации.

При анализе вопросительности как глобального феномена представляется обоснованным придерживаться полевого подхода, принципиальной особенностью которого является выделение в объекте исследования ядра и периферии. Можно утверждать, что вопросительное предложение, обладающее соответствующими фонетическими, грамматическими и лексическими характеристиками, и используемое с целью осуществления речевого акта запроса информации (квеситива или интеррогатива), формирует ядро поля вопросительности.

Семантическая структура вопроса достаточно сложна и предполагает (вне зависимости от пропозиционального содержания) такие компоненты, как значение ассертивности (вопросительное высказывание предполагает сообщение некоторой информации с одновременной характеристикой ее как данности), значение дубитативности (вопрос однозначно указывает на некую информационную неопределенность) и значение директивности (побуждение, направленное на слушающего, с целью заставить его снять по мере возможности указанную неопределенность). При этом важной составляющей вопроса является выражение априорной убежденности говорящего в том, что задача, которая ставится говорящим перед слушающим, тому по силам. В других терминах те же, в общем, значения, могут быть представлены как условия успешности речевого акта-вопроса.

Непрямые употребления вопросительных предложений могут рассматриваться как производные от прямых, поскольку так или иначе эксплицируют те или иные их семантико-прагматические свойства. Так, например, одно из наиболее распространенных не прямых употреблений вопросительного предложения, побудительное, обусловлено выдвижением на передний план семы директивности, в то время как сема дубитативности подавляется под влиянием прагматических факторов. Аналогичным образом риторический вопрос может рассматриваться как случай выдвижения на передний план семы ассертивности.

В третьей главе «Встречный вопрос в динамике диалога» встречный вопрос анализируется по трем параметрам, которые, на наш взгляд, являются существенными при описании встречного вопроса: функциональная контекстная обусловленность, тип употребления (прямое/непрямое) и кооперативность.

Проблема, связанная с первым параметром, формулируется нами следующим образом: случаен ли тот факт, что конкретное вопросительное

предложение/высказывание является встречным вопросом, или же синтаксические, семантические и прагматические характеристики данного предложения таковы, что позиция встречного вопроса для него закономерна. В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что можно выделить три группы явлений, которые их ближайший контекст позволяет характеризовать как встречные вопросы: вопросительные предложения, употребляемые в данной функции окказионально; вопросительные предложения, регулярно употребляемые реактивно, но для которых неспецифична вопросительная или невопросительная природа инициальной реплики; вопросительные предложения, употребляемые только как встречный вопрос.

Мы называем встречные вопросы первого и второго типа неспецифическими формами встречного вопроса, а встречные вопросы третьего типа — специфическими формами.

Неспецифические формы первого типа обычно обусловлены в своем употреблении исключительно прагматическими обстоятельствами действительностного контекста. Встречный вопрос не имеет каких-либо специфических показателей реактивности, он в том же самом виде способен функционировать в другой позиции внутри диалогического единства. Связь между репликой-стимулом и репликой-реакцией носит полностью ситуативный характер и использование вопросительного предложения в качестве ответа объясняется исходя из общих принципов коммуникации. Элементы семантики вопроса-стимула и вопроса-реакции не оказывают какого-то специального воздействия друг на друга.

(1) — Покупаете старые вещи? — спросил Остап грозно. — Стулья?

Потроха? Коробочки от ваксы?

— **Что вам угодно?** — прошептал отец Федор.

(Ильф, Петров)

(2) — Ну, Кисуля, а в каких пределах вы знаете немецкий язык?

— **Зачем мне это все?** — воскликнул Ипполит Матвеевич.

(Ильф, Петров)

Неспецифические формы второго типа наиболее распространены и разнообразны. При перечислении тех характеристик, которые связаны со статусом реактивности таких высказываний (вне зависимости от того, представляет она собой реакцию на вопросительное высказывание или на какое-то другое), можно упомянуть специальные показатели реактивности (например, вводное *а*, эллиптичность, анафорические отношения, различные семантические корреляции между стимулирующей и реагирующей репликой). Например, в (3) представлен вопрос-уточнение, принципиально реактивная форма, которая может следовать и за невопросительными предложениями, причем ее реактивный статус обусловлен тем, что она представляет собой запрос информации для заполнения некоторого информационного вакуума, который возник не сам по себе, а именно вследствие недостаточной информативности предшествующей реплики. В (4)

встречный вопрос обусловлен пресуппозицией, содержащейся в вопросе-стимуле и противоречащей знаниям коммуниканта о мире (у одного человека обычно имеются папиросы одного сорта, глагол *предпочитать* предполагает возможность выбора), причем ту же самую пресуппозицию можно представить и в побудительном предложении типа *Возьмите те папиросы, которые вам понравятся* или *Выбирайте по своему вкусу*. В этом примере наблюдаются такие показатели реактивности, как вводное *а*, эллипсис *разные* [папиросы].

(3) — А насчет членских взносов там ничего не говорится? — спросила она, понизив голос.

— В каком смысле?

(Стругацкие)

(4) — Вы хотите курить, как я вижу? — неожиданно обратился к Бездомному неизвестный, — Вы какие предпочитаете?

— А у вас разные, что ли, есть? — мрачно спросил поэт, у которого папиросы кончились.

(Булгаков)

Специфические формы встречного вопроса, согласно результатам проведенного нами исследования, представляют собой в большинстве своем клишированные речевые формулы, поводом для появления которых оказываются нарушения (на взгляд автора встречного вопроса) условий успешности инициального вопросительного речевого акта. Среди них такие, как *А я почему знаю?*, *Как это кто (куда, кому и т.п.)*, и др. Например, в (5) нарушается условие невладения спрашивающим информацией, ради которой задается вопрос, в (6) нарушено условие обладания спрашиваемым искомой информацией.

(5) — Причем тут домком?

— Как это причем? Встречают, спрашивают — когда ж ты, говорят, многоуважаемый, пропишешься?

(Булгаков)

(6) Я подошел к дивану и заглянул в ванну.

— А что с ним?

— А я откуда знаю?

(Стругацкие)

Второй параметр связан с тем, употребляется ли встречный вопрос в прямой функции (т. е. как средство запроса информации) или в одной из множества не прямых функций. Анализ показывает, что оба типа употребления характерны для встречного вопроса, причем его позиция реактивного высказывания часто обуславливает определенную специфику его прагматических характеристик. Среди типичных случаев прямого употребления можно назвать такие, например, как уточняющий вопрос (3), вопрос-«поощрение» (7), вопрос-предположение (8) и др. Так, вопрос-

«поощрение» функционально связан с тем типом вопросов-стимулов, которые задаются для того, чтобы привлечь внимание собеседника, и представляет собой попытку подыграть автору вопроса-стимула; вопрос-предположение — это обычно реакция на этот же тип вопросов-стимулов, различие состоит в том, что здесь автор вопроса-реакции пытается предугадать ответ, одновременно запрашивая информацию о том, верна ли его догадка.

(7) — А ты заметила, как он на тебя смотрел?

— **Как?**

— А никак. Как на табуретку.

(Черных)

(8) Ну, как вы себе представляете? Где эта мебель?

— **Продана?** — пискнул Воробьянинов.

(Ильф, Петров)

Еще один типичный случай употребления встречного вопроса в прямой функции связан с эксплуатацией свойства вопроса быть инициальной репликой в диалоге. В этом случае автор встречного вопроса, по сути, осуществляет попытку ухода от ответа. Возможны варианты, когда такая попытка связана с намерением отсрочить ответ (9) или полностью сменить тему беседы (10):

(9) Через два часа стряслась новая беда. Пришел мужик с тяжелым мешком.

— Рога кто будет принимать? — спросил он, сваливая кладь на пол. Великий комбинатор косо посмотрел на посетителя и его добро...

— **А товар хороший?** — осторожно спросил начальник отделения.

(Ильф, Петров)

(10) — А вы почему не застрелились, Гейнрих? — спросили с верхней полки. — Как у вас там вышло с присягой?

— **Ну, что, будете слушать библейскую историю?** — раздраженно сказал представитель свободомыслящей газеты.

(Ильф, Петров)

Встречный вопрос в прямой функции может употребляться как метакоммуникативная реплика: так, автор встречного вопроса может поинтересоваться тем, зачем собеседнику нужна та или иная информация, имеет ли он право получить такую информацию, какая именно информация ему нужна и т. п.

Среди разновидностей встречных вопросов, употребляемых в непрямой функции, трудно уловить какие-то закономерности, поэтому мы ограничились констатацией наиболее типичных случаев. Одним из самых типичных является риторический вопрос. Как вопрос-реакция он часто получает показатели реактивности:

- (11) — Зачем? — спросила Катерина. — А потом она права. Почему они должны менять свою жизнь, потому что появилась я?
— **А почему ты должна растить и воспитывать ребенка одна?**
— спросила Людмила.

(Черных)

- (12) — Привалов, — сурово сказал он, — почему вы опять не на месте?
— **Как это не на месте?** — обиделся я. День сегодня выдался хлопотливый, и я все позабыл.

(Стругацкие)

Появление риторического вопроса может быть связано со множеством прагматических и содержательных характеристик вопроса-стимула, а сам он передает не только значение утверждения, но и дополнительные оттенки иронии, сарказма, удивления и другие значения эмоционального спектра. Достаточно близко к риторическому вопросу со значением утверждения находится вопрос со значением предположения, допущения, причем ему свойственны те же эмоционально-оценочные обертоны:

- (13) — Итак, — повторил он..., — наши кошечки на кого-то работают... На кого же?

Я решил отшутиться:

— **Не на уругвайскую ли разведку? Или на марсианскую?**

(Подольский)

Очень распространенными являются встречные вопросы, связанные с прагматическими пресуппозициями реплики-стимула (прежде всего, пресуппозиции релевантности), выражающие незнание, недоумение или же просто непонимание того, о чем идет речь:

- (14) — Ну, ограбление — это еще понятно, но гири! Почему вы украли у меня гири?

— **Какие гири?** Никаких гирь я не крал.

(Ильф, Петров)

Широко распространена конструкция $A + \text{сущ.}?$, значение которой составляет обычно напоминание о чем-то, упущенном говорящим из вида. В случаях, когда эта конструкция выступает в позиции встречного вопроса, вопрос-стимул часто также выступает в непрямой функции, представляя собой завуалированное утверждение, если же это не так, то вопрос-реакция оказывается направленным не на целевую составляющую вопроса-стимула, а на его «ассертивную» часть.

- (15) — Отчего, — спросил он, — в вашем кефирном заведении такой скудный инвентарь?

— Как же, — заволновался Альхен, — **а фисгармония?**

(Ильф, Петров)

Третий параметр, в соответствии с которым мы анализировали наш материал, связан с критерием кооперативности. Кооперативность высказывания рассматривается как одна из его основных прагматических характеристик, в частности, характеризующая успешность протекания диалога. Важность этого параметра при описании предмета нашего исследования нельзя переоценить.

В динамике диалога встречный вопрос может фигурировать и как кооперативный, и как некооперативный речевой поступок. Устоявшееся мнение о том, что отвечать вопросом на вопрос невежливо, а значит, встречный вопрос некооперативен, отражает только часть целого. Во-первых, вежливость и кооперативность не являются синонимами, во-вторых, мы показывали уже, что встречные вопросы чрезвычайно разнообразны, зачастую встречный вопрос является в высшей степени кооперативным речевым поступком. Кроме того, важно учитывать, какого рода вопрос предшествовал встречному вопросу, выполнял ли он прямую или непрямую функцию и т. д. Также огромное значение имеет общая прагматика ситуации.

Кооперативным является, например, уточняющий встречный вопрос. Сама суть этого типа вопросов как раз и состоит в том, чтобы как можно более точно понять мысль говорящего, избежать недомолвок и взаимонепонимания. Человек, задающий уточняющий встречный вопрос, некоторым образом ненавязчиво дает понять собеседнику, что он непреднамеренно нарушил одну из максим коммуникации: делай достаточно информативные сообщения, причем это указание на непредумышленную некооперативность не носит характера упрека. По сути дела, автор такого ВР становится участником речевого поступка своего собеседника.

Кооперативными являются многие клишированные формы встречных вопросов, такие как, например, (16)

(16) — А убийцу никто не видал?

— Да где ж тут увидеть? Дом — Ноев ковчег.

(Достоевский)

Они не попадают под действие понятия имплицатуры, поскольку их смысл отрицания конвенционально связан с ними и нужды в инференции этого смысла нет.

Кооперативны вопросы, которые мы назвали «псевдоцелевыми», как в (17):

(17) — И ты, сват, — отозвалась сидевшая на лежанке, поджавши под себя ноги, свояченица, — будешь все это время жить у нас без жёны?

— А для чего она мне? Другое дело, если бы что доброе было.

(Гоголь)

Как правило, они употребляются после вопросов-стимулов бытийного характера, т. е. таких вопросов, при помощи которых говорящий пыта-

ется уяснить существование или наличие какого-то объекта. Значение отсутствия потребности в этом объекте также закреплено за этим типом вопросов конвенционально.

Вообще, когда вопрос-стимул не употребляется в прямой функции, кооперативность встречного вопроса вполне естественна (хотя и необязательна), поскольку в этой ситуации на реплику-реакцию не возложена задача ликвидировать информационную лауну.

Некооперативными являются вопросы, игнорирующие инициальную реплику. Обычно они связаны с нежеланием продолжать коммуникацию.

Анализ показал, что часть встречных вопросов не может интерпретироваться в терминах кооперативности/некооперативности, поскольку они функционируют как метакоммуникативные единицы, следовательно, не подчинены задачам передачи информации как таковой. Так, например, в (15) встречный вопрос содержит информацию о том, что собеседники уже встречались ранее, которая, строго говоря, не является необходимой в данном диалоге, это смысл, дополнительно приписываемый основному сообщению *Это я, Вакула, кузнец*. Тем не менее, этот смысловой компонент, видимо, помогает коммуникантам в идентификации собеседника: своей репликой говорящий предваряет ответ, пытаясь обеспечить отношение к себе не как к «чужому», а как к «своему», что, несомненно, явилось бы преимуществом в дальнейшей коммуникации.

(18) — Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подалее.

— А вы не узнали? — спросил кузнец, — это я, Вакула, кузнец!

(Гоголь)

В заключении обобщаются результаты исследования, приводятся выводы, сделанные на основе фактического материала, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Исследование материала показывает, что термином «встречный вопрос» охватывается множество явлений языковой коммуникации, зачастую совершенно не похожих друг на друга. В ходе исследования мы выяснили, что позиция реактивного высказывания существенно усложняет и без того непростую картину того, что же с коммуникативной точки зрения представляет собой вопросительное предложение. Исследователи уже привыкли к тому, что коммуникативный потенциал вопросительных конструкций, взаимодействуя с их лексическим наполнением, реализует множество значений самого разного рода. Эта тенденция полностью сохранена в вопросительном предложении и тогда, когда оно является реагирующей репликой. Дополнительные нюансы возникают оттого, что в рамках диалогического единства инициальная реплика всегда так или иначе предопределяет дальнейшие реплики, которые оказываются несамодостаточными, будучи тесно связанными с репликой-стимулом.

Интерпретация всякого конкретного высказывания требует учета и синтаксических, и лексических, и прагматических параметров. При этом степень свободы тех или иных лексико-грамматических образований может существенно варьироваться — от устойчивых диалогических клише до совершенно свободных, конструируемых здесь и сейчас предложений. В данном случае неуместно поднимать вопрос о соотношении производимого и воспроизводимого в речевой деятельности, но мы полагаем, что наша работа связана с этой проблемой, проливая свет на некоторые очень частные ее аспекты.

Если рассматривать встречный вопрос в целом, то, на наш взгляд, можно заметить, что эта группа высказываний скорее смещается в сторону «воспроизводимого» — естественно, как «среднее арифметическое». Как мы могли наблюдать, среди встречных вопросов есть большое количество клишированных форм, в особенности это касается «собственно» встречных вопросов. Легко понять, чем это обусловлено: реакция на вопрос, не связанная с его реальным содержанием (отраженным в пропозиции), соотносится не со способностью языка отражать мир, а с «техническими» аспектами высказывания: как бы ни были они сложны, они все же уступают в своем многообразии богатству мира вокруг и внутри нас.

Нами была выявлена принципиальная неоднородность объекта. В анализируемом материале выявляются как «случайные» элементы — обычные вопросительные предложения, лишь волею широкого коммуникативного контекста оказавшиеся в позиции встречного вопроса, — так и высказывания, сама суть которых ориентирована на реактивное употребление, в том числе и на употребление только в виде реакции на вопрос.

По итогам работы можно не только сделать определенные выводы, но и наметить некоторые перспективы. Так, важной нам кажется задача более общего исследования вопросительного предложения в позиции реактивного высказывания. Существенным будет не только изучение высказываний-реакций самих по себе, но и их зависимость от высказываний-стимулов. В частности, интересно было бы понять, насколько точно можно прогнозировать реплику-реакцию (или хотя бы тип(ы) реплик-реакций) на данную реплику-стимул. Таким образом, наше исследование имеет определенные перспективы для развития.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

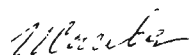
1. Сычева И.Б. Условия успешности вопроса-уточнения [Текст] / И.Б. Сычева // Семантика общения: Материалы всероссийской научной конференции. — Орел: Орловский гос. ун-т, 2005. — С. 52–55. — 0,2 усл. печ. л.

2. Сычева И. Б., Филиппов В. С. *Какой-вопрос как стандартный тип реактивного высказывания [Текст] / И.Б. Сычева, В.С. Филиппов // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: – Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2006. – С. 327–331. – 0,25 усл. печ. л.*

3. Сычева И.Б. К вопросу о критериях разграничения монолога и диалога [Текст] / И.Б. Сычева // *Язык и коммуникация: изучение и обучение. – Вып.14. – Сборник статей. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2007. – С. 128–134. – 0,35 усл. печ. л.*

4. Сычева И.Б. Вопросительность в реактивном высказывании [Текст] / И.Б. Сычева // *Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Вып.6. (Часть 1). Международный сборник научных трудов. – Москва – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2007. – С. 348–358. – 0,58 усл. печ. л.*

5. Сычева И.Б. *Встречный вопрос: специфические и неспецифические формы [Текст] / И.Б. Сычева // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Вып.1. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. – С. 215–226. – 0,64 усл. печ. л.*

Печать офсетная, усл. печ. л. 1,5, тираж 100 экз.

Заказ № 68

Отпечатано с готового оригинал-макета

На полиграфической базе Орел-ГТУ

г. Орел, Московская, 65

102